

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю. — Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов // Философская мысль. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MRDDUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69508

Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов

Недорезов Вадим Георгиевич

ORCID: 0000-0002-9402-3515

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии, культурологии и социологии; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пр. Победы, 13, корпус 20, оф. 20-806

✉ nvad@yandex.ru**Писарчик Леонид Юрьевич**

ORCID: 0000-0003-2169-5932

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пр. Победы, 13, корпус 20, оф. 20-806

✉ leonidtp@yandex.ru[Статья из рубрики "Философия языка и общения"](#)**DOI:**

"не активен"

EDN:

MRDDUF

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2024

Дата публикации:

26-01-2024

Аннотация: Предметом исследования является развитие аналитической философии

языка в XX веке от проблемы значения, имевшей центральное место в логике Г. Фреге, в логическом позитивизме и в философии Б. Рассела, к теории речевых актов, то есть развитие от семантики к прагматике. Основное внимание направлено на такие проблемы, как проблема сущности языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, теория речевых актов. Целью исследования является выявление особенностей концепций значения у разных представителей аналитической философии. Особое место уделено в этом контексте идеям Л. Витгенштейна и Х. Патнэма. Важно также выяснить причины перехода аналитической философии к проблемам коммуникации. Рассматриваются и специфические особенности концепций речевых актов у таких мыслителей, как Д. Остин и Д. Сёрл. В статье используются такие методы исследования, как историко-философский анализ, социально-критический, а также сравнительный методы. Новизна исследования заключается в выявлении того, как философы шли по пути обновления и углубления проблемы значения и референции, а также в чем заключается специфика каждого решения. Рассмотрены те изменения, которые произошли в философии языка в XX веке, внесенные, прежде всего, Л. Витгенштейном в ходе «лингвистического поворота». Показаны также значительные новшества, внесенные в описательно-аналитическую лингвистическую теорию речевых актов, связанные с именами Д. Остина и Д. Сёрла. У Д. Остина это характеристики и классификация речевых актов, у Д. Сёрла это соединение проблемы речевой коммуникации с проблемой интенциональности, как фундаментальной способности человеческого сознания. Указывается на критический недостаток теории речевых актов: фактически, она не объясняет природу диалога, так как в ней представлено многообразие монологов.

Ключевые слова:

аналитическая философия, логический позитивизм, язык, философия языка, ментализм, значение, референция, коммуникация, теория речевых актов, интенциональность

Введение

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что проблемы философии языка имеют выход в такие разделы философского знания, как онтология, гносеология, философия науки. В связи с этим важно понимать, как решаются в современной философии языка такие проблемы, как сущность языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, сущность речевых актов и т. д. Необходимо учитывать, какому философу принадлежит приоритет в решении данных проблем, а также в чем заключается специфика каждого решения. При этом большое значение имеет и то, что нового внесли конкретные мыслители в решение проблемы значения, референции и речевых актов. Целью данного исследования является рассмотрение значительных изменений в понимании языка и проблемы значения, связанных с именами Г. Фреге, Б. Рассела и Х. Патнэма. При этом показана не просто смена концепций разных мыслителей, а представлена логика движения их мысли. Важно рассмотреть также и новшества, связанные с именем Л. Витгенштейна, предложившего отличное от традиционного понимание значения слов (имен). Необходимо также показать особенности теорий речевых актов Д. Остина и Д. Сёрла. В ходе исследования применялись такие методы, как метод историко-философского анализа и сравнительный метод. Новизна полученных результатов исследования заключается в сравнении идей разных мыслителей, занимавшихся анализом языка, и в выстраивании определенной

логики развития, которая просматривается при детальном рассмотрении проблем. Наряду с тенденцией трансформации философии языка от семантики к прагматике, которая ранее часто становилась предметом исследования, предпринят анализ движения мысли западных философов в русле самой прагматики, то есть в теории речевых актов у таких философов, как Д. Остин и Д. Сёрл.

Проблема значения

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемы значения, необходимо рассмотреть вопрос о том, что такое аналитическая философия. В настоящее время нет единой концепции аналитической философии, то есть в ней существует и развивается множество подходов и школ. Ключевая проблема, которая роднит эти школы – анализ языка. Понятие «аналитическая философия» употребляется в философской литературе в двух смыслах: во-первых, это главное направление в философии Англии и США; во-вторых, этим же понятием характеризуется «определенный стиль философского мышления», заключающийся в строгости и точности философских и научных рассуждений, основанных на глубоком логическом анализе понятий и языковых выражений [\[1, с. 11-12\]](#).

Близкое к этому понимание аналитической философии представлено в работе С. В. Никоненко, который тоже отмечает значительный разброс мнений в понимании сущности аналитической философии. Но при этом отмечает, что все-таки выделить характерное в этом направлении философской мысли можно. Отличительным признаком аналитической философии является то, что в ней решение проблем осуществляется с помощью анализа языка [\[2, с. 4\]](#).

У А. Ф. Грязнова мы находим следующее понимание аналитической философии. В узком смысле – это «доминирующее направление в англоязычной философии XX века...» [\[3, с. 13\]](#). В широком смысле аналитическая философия представляет собой такой стиль философского мышления, который характеризуется строгостью и точностью рассуждений и применения терминологии, при этом имеет место негативное отношение к рассуждениям спекулятивным, имеющим общий характер. Здесь одинаково важны и строгость рассуждений, и точность результатов [\[3, с. 13\]](#).

Опираясь на рассмотренные варианты понимания аналитической философии, мы видим в ней, с одной стороны, направление англо-американской философии, которое сконцентрировалось на проблеме повышения строгости и точности научного языка с помощью логического анализа значения языковых выражений, а затем распространило метод анализа и на обыденный язык; кроме того, в этом направлении мысли также проявила себя тенденция естественного расширения проблематики исследований с семантики до прагматики.

Родоначальником аналитической философии М. Даммит считает Г. Фреге, так как он поставил в центр своей логики проблему *значения*, которая стала краеугольным камнем всей последующей аналитической философии. Наряду с разработками Фреге, на первом этапе свое оформление аналитическая философия получила, по свидетельству Б. Страуда, в работах Б. Рассела 1900 – 1918 гг. [\[4, с. 160\]](#). Дж. Мур тоже внес большой вклад в оформление идей аналитической философии в первый период. Страуд отмечает, что под аналитической философией чаще всего понимается борьба с метафизикой, и это действительно имело место, но не у Фреге, Рассела и Мура, а во второй период ее развития – период раннего Л. Витгенштейна и логического позитивизма. Третий период развития аналитической философии – период позднего Витгенштейна и лингвистической

философии. На этом этапе наибольший вклад в развитие аналитической философии внесли Л. Витгенштейн, Д. Остин, Г. Райл, У. Куайн, Н. Гудмен, Д. Дэвидсон, Д. Сёрл и др. Общим мнением у представителей аналитической философии является то, что ядром аналитической философии является философия языка, а к периферии относятся философия сознания, философия истории, философия логики, философия действия и т. д. [\[5, с. 5\]](#). Хотя у некоторых из них иная точка зрения, например, Д. Сёрл полагает, что именно философия сознания лежит в основе философии языка.

В начале XX века исследователей более всего интересовали семантические проблемы, то есть на первый план вышла проблема значения. Логики занимались в этот период проблемами истины, референции (отношение слова, имени и предмета), сущности языка и его отношения к реальному миру. Эти проблемы выходили на первый план и ставили языковую семантику в центр внимания. Произошел переход от синтаксиса (правил языка) к семантике (смыслу высказываний). Для Г. Фреге было важно провести различие между значением и смыслом, а также между истиной и ложью. Он предложил свою концепцию значения, которая стала очень популярной, ее ядром стал знаменитый фрегевский семантический треугольник: имя – значение – смысл.

Г. Фреге переосмыслил проблему истины, так как он не принял общепризнанную концепцию истины, как соответствия высказывания действительности, идущую от Платона и Аристотеля. Немецкий мыслитель утверждает, что истинность присуща самому предложению, его смыслу, а не его соответствию чему-то иному. «Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл» [\[6, с. 21\]](#). О соответствии мысли внешним объектам у Фреге речи не идет. «Мысль – это нечто вневещное, и все чувственно воспринимаемые объекты должны быть исключены из той области, в которой применимо понятие истинности» [\[6, с. 22\]](#), – пишет он.

Фреге отошел и от классической трактовки значения, которая существовала со времен Р. Декарта и Д. Локка. Тогда философы считали, что слова и языковые выражения – это выражение наших идей, наших мыслей, то есть в языковых выражениях представлена субъективная реальность, наш внутренний мир. Это классическая концепция языка, которой придерживались в общем-то все философы XVII – XVIII вв. Но сначала Дж. Ст. Милль, а позже Г. Фреге изменили точку зрения на природу языка. Они провозгласили, что слова, имена обозначают предметы внешней реальности, что стало более объективным взглядом на сущность языка. Здесь функция языка меняется: если в классической философии подчеркивалась только функция выражения мысли в слове, то у Милля и Фреге появилась функция обозначения предметов внешнего мира, то есть сигнификативная функция. Значит, основная функция языка, согласно Миллю и Фреге, – это функция обозначения предмета, то есть высказывание о предмете, а также о признаках и свойствах предмета.

Фреге проделал очень большую работу по установлению объективного значения имен. Он заявил, что на место ментальных образов надо ставить сами предметы, и показал, что, с одной стороны, имя обозначает предмет, и, с другой, – оно выражает смысл, идею предмета. Смысл, который относится к предмету – это и есть новый ментальный образ. В классической философии ментальный образ понимался как принадлежащий субъекту. Теперь ментальный образ рассматривается как принадлежащий и субъекту, и объекту (содержание образа, значение, информация о предмете). Поэтому ментализм классической философии стал подвергаться критике, это стал делать уже Фреге, а затем Мур и Витгенштейн продолжили.

Некоторые последующие логики и философы все-таки критиковали Фреге за его якобы дуализм, что он будто бы остался последователем Декарта. Фреге настаивал на том, что в языковом выражении смысл языкового выражения доминирует, а не сам предмет, потому что когда мы говорим о предмете, то не всегда его видим, не всегда его представляем и руководствуемся информацией о предмете, высказанной в предложении. Предметы могут быть разными – внешними, логическими, математическими, вымышленными и т. д. И смысл определяет его референцию, то есть предметное значение. Итак, сначала человек имеет дело со смыслом, а потом возникают «очертания» (логические или чувственные) предмета. Поэтому референция у Фреге понимается как смыслотворчество, смыслопридание, то есть референт слова – это не столько сам предмет, а то, что соответствует смысловому описанию предмета. Отсюда очень близко до концепции конвенционализма, согласно которой под предметом понимается то, о чем ученые договорились.

После Фреге возникли и другие концепции значения. Пик его популярности пришелся на начало XX века, а далее, примерно с 1910 г. его затмевает Б. Рассел. Он в своей концепции логического атомизма изначально принял «образную» концепцию языка, то есть слова, в его понимании, являются образами вещей. Каждому слову соответствует свой предмет, вернее, не предмет, а чувственные данные (*sense data*). Причем такое понимание языка Рассел обосновывал множеством психологических примеров. Проблема для Рассела состояла в том, что язык нес в себе множество заблуждений и ошибок, и даже язык науки был не идеален. Приступив к анализу языка науки, Рассел и Уайтхед в работе над фундаментальным трудом «*Principia Mathematica*» (1910-1913) двигались к тому, чтобы идеальный язык был полностью изоморфен действительности, но при этом Рассел отказывается принять смысловой аспект слов во фрегевском понимании. Идеальный язык – это язык логики высказываний, а мир – это совокупность фактов. Рассел придерживается позиции, согласно которой человек получает знания во взаимодействии с окружающим миром, в процессе которого происходит означивание, то есть каждый предмет получает свое имя. Эту позицию он представил в своей статье «Знание-знакомство и знание по описанию» [см.: 7, с. 444-458], а также в работе «Человеческое познание: его сфера и границы». Здесь он показывает, что восприятие ребенком предметов сопровождается тем, что взрослые ему называют слова, которые их обозначают (их имена). Так происходит усвоение имен, в процессе которого имеет место соответствие слов и предметов. Чаще всего здесь имеют место остенсивные определения. А предметы, которые узнает ребенок, и информацию о них Рассел называет фактами. Рассел пишет: «слово может ассоциироваться с каким-нибудь заметным предметом окружающей обстановки (вообще с таким, который часто появляется) и что, когда оно так ассоциируется, оно также ассоциируется с тем, что мы можем назвать “идеей” или “мыслью” об этом предмете. Когда такая ассоциация создается, слово “обозначает” данный предмет; произнесение этого слова может быть названо данным предметом, и слышание его может вызвать “идею” предмета. Таков простейший вид “значения”, из которого развиваются другие его виды» [7, с. 76]. Н. Гриффин отмечает, что Б. Рассел был в ранний период философской деятельности сторонником референтной теории значения, то есть он считал, что «значения слов являются онтологическими сущностями или чувственными объектами» [8].

В аналитической философии начала XX века шла борьба идей: с одной стороны, имела место критика ментализма и Декарта, с другой, сам Фреге оказался близок к ментализму, хотя и начинал с его критики. От исследований Фреге ведут свое начало многие концепции, например, концепция значения логического позитивизма, которая

складывалась на основе подхода Фреге, а также идей Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата». Значение «протокольного предложения» ими понималось в русле того, что мы можем зафиксировать в опыте и к согласию в чем могут прийти ученые. То есть в основу концепции значения клались принципы верификации, физикализма и конвенционализма. Главное – это верификация.

Желание отказаться от ментализма требовало от аналитических философов отказа и от попыток жестко и точно зафиксировать смысл предмета. Должен быть сам объект, референт и его имя, а также его верифицируемые свойства, полученные в опытной проверке, а расплывчатые описания, смысловые оттенки теперь стремились устранить. Проблема заключается в том, что смысл невозможно адекватно описать, формализовать, выразить в формулах и символах. Весь Венский кружок работал над этим, создавая концепцию значения. Поэтому перед ними встала задача отказаться от фрегевского понятия смысла и изрядной доли ментализма с ним связанной. На первом месте у них была строгость и точность рассуждений.

Логический позитивизм Венского кружка развивал идеи Б. Рассела и Л. Витгенштейна. М. Шлик и Р. Карнап, прежде всего, направили свои усилия на очищение философии от метафизических проблем, так как они неверифицируемы. А в вопросе о сущности значения логические позитивисты уже несколько отступили от классического понимания референции. Под значением логические позитивисты понимают не сам предмет, как это было у Фреге, а его чувственный эквивалент, двойник. В связи с этим в логическом позитивизме на первый план вышел эмпирический базис науки, а значение теоретического знания неправомерно принижалось.

Не заладилось у Венского кружка и с критерием значения, то есть с верификацией. Первым подверг критике логический позитивизм в этом вопросе К. Поппер, полагавший, что метафизика не должна быть устранена из науки, так как она является реальным познавательным фактором, способствующим возникновению новых научных теорий [\[9, с. 39\]](#). Затем и представители аналитической философии тоже подключились к этому, в частности Х. Патнэм. Он пишет: «Венский кружок заявил: значением предложения является метод его верификации» [\[10, с. 146\]](#). «Очевидной реакцией на эти формулировки, – пишет Х. Патнэм, – было бы возразить, что критерий логического позитивизма является самоопровергающимся: ибо сам по себе этот критерий не является (а) ни аналитическим (кроме, быть может, аналитически ложного), (б) ни эмпирически проверяемым» [\[10, с. 147\]](#).

Венский кружок взял за основу идеи «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, который онтологизировал структуру языка пропозициональной логики. Для австрийского мыслителя мир представлялся логической конструкцией. Совокупность атомарных фактов, объединяющихся в комбинацию молекулярных фактов, – это и есть мир. Язык у Витгенштейна – это совокупность предложений. Структуры языка и сущность логического субъекта совпадают. Витгенштейновская логизация мира оказалась очень полезной для логического позитивизма. Но при этом представители Венского кружка не учли того обстоятельства, что у Витгенштейна логический характер картины мира соседствует с утверждением, что она соотносится с действительностью. Значит Витгенштейн онтологизировал логику не всецело, и, видимо, причина этого была в том, что он оставлял посредством этого окно в метафизику, в частности, оставлял выход к проблеме ценностей. Витгенштейн отмечает: «2.1. Мы создаем для себя картины фактов. 2.11. Картина представляет определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование со-бытий. 2.12. Картина – модель действительности»

[\[11, с. 8\]](#). Такой взгляд был присущ раннему Витгенштейну. Поздний же Витгенштейн отошел от такого понимания референции и разработал новую концепцию значения, в которой уже не было соответствия слов объектам.

Логический позитивизм поставил в центр внимания проблему значения по той причине, что для него наиболее важной была проблема демаркации научного и ненаучного знания. Научным знанием в логическом позитивизме признавалось только знание верифицированное, эмпирически подтвержденное. Вследствие этого логические позитивисты подменили объект теорией объекта, при этом последняя должна полностью коррелировать с языком наблюдений. В результате теоретическое знание недооценивалось, теория была сведена к эмпирии. «А поскольку статус научности присваивался только эмпирически обоснованным или доказанным высказываниям, постольку центральной методологической проблемой (как непосредственное выражение неопозитивистского критерия демаркации) была проблема обоснования, а не открытия нового знания» [\[12, с. 21-22\]](#). На этот недостаток в концепциях логических позитивистов указывал К. Поппер.

Основными гносеологическими принципами логического эмпиризма являются следующие положения: 1) знанием является только то, что дано в чувственном восприятии; 2) то, что дано в чувственном восприятии, абсолютно достоверно; 3) знание, по сути дела, сводится к описанию чувственных восприятий [\[13, с. 14-15\]](#). В такой интерпретации человеческого познания нет места объяснению, пониманию, предсказанию и т. д. Для этой эпистемологической системы характерен и отказ от внешнего мира, он не фигурирует в этих построениях, так как здесь создается новая онтология – онтология языка.

Л. Витгенштейн, в свою очередь, тоже подверг критике концепцию значения Б. Рассела, положившего в основу возникновения значения оstenсивные определения, имеющие вид «это есть то-то». Витгенштейн в «Философских исследованиях» пришел к выводу, что значение слова в предложении устанавливается не в его отношении к предмету, как считали Фреге, логические позитивисты и Рассел, а согласно его месту в предложении. Известна его формулировка: «значение слова – это его употребление в языке» [\[14, с. 99\]](#). Мы помним, что Витгенштейн вел анализ не научного языка, как Рассел, а быденного, как Мур. Язык он понимает, как живые формы общения и изменения его правил. Значение слов может меняться в зависимости от их употребления. И дальше отсюда вырастает концепция Витгенштейна «языка как игры». Здесь мы видим переломный момент в развитии аналитической концепции языка, когда начался переход от классической концепции значения к витгенштейновской, которую можно назвать инструментальной концепцией, так как язык у него – орудие, инструмент.

Впоследствии появились новые теории референции. Занимались этими проблемами М. Даммит, Х. Патнэм, Д. Сёрл и др. Представления Х. Патнэма по этому вопросу заключаются в следующем. Патнэм – один из представителей философии сознания, но он пришел к проблеме сознания не сразу. Сначала занимался философией языка, в частности, проблемой референции. Он представил свою семантическую концепцию, которая основана на реалистической философии [см.: 15]. Реалистическая философия исходит из принципа неразрывного единства субъекта и объекта. Реалисты не только внешние объекты учитывают, но и логико-математические объекты рассматривают как существующие, более того, рассматривают их как сущности. То есть сам реальный мир за счет этого как бы расширяется, наполняется новым содержанием. И субъект из этого мира неустраним, так как мир – это, в конечном счете, опыт человека и человечества,

без него картина мира непонятна, а также неясно как сконструировано все знание о мире и что такое сам мир. Познает мир все-таки человек и смысл миру придает именно он, полагают представители реалистической философии.

Х. Патнэм в своей концепции референции усиливает антименталистскую установку. Он не согласен с традиционной эпистемологией, то есть с пониманием в ней проблемы референции и полагает, что ментальные образы не могут определять референцию слов, то есть их отношение к определенным предметам. Американский философ предлагает представить значение как некий вектор, имеющий направление и складывающийся под влиянием разных факторов, во-первых, синтаксических, так как правила языка оказывают влияние на формирование значения. Во-вторых, семантический фактор тоже надо учитывать в процессе формирования значения, так как предмет должен быть описан, должно быть понято его предназначение, его характеристики. То есть семантика (информация о предмете) как бы формирует экстенционал (предмет, обозначенный данным именем). Говоря о предмете, мы находимся как бы внутри этой информации. Интенционал – это смысл, информация о предмете. Согласно Патнэму, по сути дела идет работа над тем, как соотнести экстенционал с интенционалом. Над этим размышляли все аналитические философы, начиная с Фреге.

Л.Б. Макеева отмечает, что Патнэм рассмотрел концепцию Г. Фреге и подверг критике понимание значения у немецкого логика, усматривая в нем ментализм [\[16, с. 36\]](#). Поскольку в реалистической и аналитической философии произошел отказ от представлений классической философии о ментальных образах, постольку необходимо было разработать новый механизм референции, что и сделал Патнэм. Он сформулировал основы понимания этого механизма: «референция указанных выражений устанавливается благодаря внешним нементальным факторам» [\[16, с. 39\]](#).

Действительно, согласно Патнэму, референция устанавливается на основе двух факторов: социального и природного [\[17, p. 74\]](#). Он поясняет свою мысль следующим образом: референция формируется под действием социокультурных влияний на понимание предметов и явлений, с которыми имеет дело человек, к этим влияниям относятся и условия, в которых работает научное сообщество, система коммуникации и общения. Языковеды, лингвисты, философы работают в разной среде, они – носители разных языков и представители различных научных школ. Наконец, оказывает воздействие на формирование референции и природный фактор, то есть природные силы, виды животных, растений и т. д. Это тоже влияет на то, какое значение мы придаем имени предмета.

Патнэм выдвигает социолингвистическую гипотезу, согласно которой разные носители языка используют в своей работе различные аспекты значения слов. Эти значения не всегда стыкуются, хотя люди работают в одной науке, поэтому данный феномен называется экстралингвистическим фактором в науке. Затем Р. Рорти будет отстаивать примерно те же идеи, когда будет говорить о сущности философии и научной рациональности. Люди разных культур имеют в виду разные смыслы и значения в процессе общения, поэтому философия должна выступать в качестве посредника в диалоге культур. В связи с этим возникает вопрос о том, как этот экстралингвистический фактор нейтрализовать и прийти к пониманию в диалоге. Патнэм считает, что это должны делать специалисты, эксперты, задача которых находить общие моменты и различия, устранять трудности и разночтения и приводить исследование к общему знаменателю. В свою очередь, Рорти предложил не просто решение проблемы механизма референции, а новое понимание философии, задача которой заключается в том, чтобы анализировать и

сопоставлять культурные дискурсы и вырабатывать взаимоприемлемое понимание проблем [см.: 18].

За то, что Патнэм признавал влияние природных факторов на формирование референции, его обвинили в эссенциализме. Одним из виднейших представителей эссенциализма был Аристотель, который говорил о том, что сущность предшествует существованию, сущность (*essentia*) порождает существование. Таким образом, разработчики теории референции в XX веке уходили от установок Декарта (с его дуализмом и ментализмом), но приходили, парадоксальным образом, к эссенциалистским установкам Аристотеля, на идеи которого существенно опирался Декарт.

Теорию референции разрабатывал также С. Крипке, который тоже пришел к эссенциализму. Патнэма и Крипке обвиняли в возвращении к Локку и Аристотелю. Патнэм продолжал разрабатывать проблемы реализма, теорию референции и проблему истины. Он написал книгу «Разум, истина и история» (1981), в которой углубляет свой антиментализм и отказывается от четвертого фактора, формирующего значение – стереотипов. Четыре фактора, согласно Патнэму, влияют на формирование значения: 1) сам предмет, 2) социокультурные факторы, 3) природные факторы, 4) стереотипы. Стереотипы – это что-то вроде понятия «парадигма» у Т. Куна.

Отказ от стереотипов произошел у Патнэма потому, что они близки к сфере ментального. Его позиция меняется и в понимании значения, он приходит к трактовке, близкой к витгенштейновской: значение формируется не в голове исследователя и даже не в голове говорящего (человека, пользующегося языком), а в предложении. То, что Патнэм в своей теории значения отошел от принципа классической эпистемологии, согласно которому значением слова является объект, который оно обозначает, было все-таки значительной потерей и для философии языка, и для эпистемологии.

Знаки употребляются ситуативно, согласно Витгенштейну. Имя – это простой знак, а предложение – сложный [\[11, с. 12\]](#). Имя (слово) обретает значение в предложении. Патнэм пришел к такому же выводу. Пытаясь уйти от обвинений в эссенциализме, он утверждает, что прежде чем мы начинаем заниматься любыми научными проблемами, мы используем или вырабатываем концептуальную схему, имеющую теоретический характер. Это понимание данной проблемы он воспринял из теоремы Дюгема-Куайна. Данная теоретическая схема направляет наше исследование и поэтому говорить о существенном влиянии на ход исследования непосредственного опыта, эмпирии не приходится.

В теории значения Патнэма явно просматривается влияние социокультурных факторов на язык, а отсюда один шаг до проблемы коммуникации. Таким образом, можно сказать, что исследование языка в аналитической философии неуклонно шло в направлении исследования проблемы коммуникации, речевого общения. Лингвистическая философия переходит от семантики к прагматике. В ее русле исследователи занимаются функционированием языка в процессах коммуникации. Следствием этого стало преодоление представления об обозначении как основной функции слова. Но этот процесс шел не без потерь, которые состояли в утрате объективного содержания знания, так как корреляция между словами и объектами больше не признавалась. Такое понимание знания сопровождалось широким распространением конвенционализма.

Теория речевых актов Д. Остина и Д. Сёрла

После Витгенштейна лингвистическую философию, наряду с другими, развивал и Джон Остин. Он тоже вел анализ обыденного языка и не считал, как и Витгенштейн, его несовершенным. Оксфордский философ пришел к выводу, что существуют разные виды

высказываний, и прежде всего он стал различать «констативы» и «перформативы» [\[19, с. 23-24\]](#). Также Остин исходил из витгенштейновского понимания языка как орудия, при помощи которого совершаются какие-либо действия. Сконцентрировав на этом свое внимание, Остин пришел к выводу, что основное назначение утверждений заключается не в описании действительности, как это понималось в традиционном понимании языка. При этом высказывания не всегда истинны или ложны. Он считает, что утверждения, описывающие факты можно назвать «констативами», так как они описывают действительность, констатируют определенную ситуацию, указывают на предметы, факты действительности. При этом констативы делятся на истинные и ложные. К констативам относится, например, утверждение: «Оксфорд находится в 60 милях от Лондона».

Однако не все утверждения сводятся к этому. Часть из них информирует нас о совершении человеком (говорящим) определенного действия. Здесь не характеризуется действие, а совершается. Остин приводит пример такого утверждения: «Я называю этот корабль "Свобода"» или «Я завещаю мои часы брату». Такие утверждения он называет «перформативами». Они не несут в себе значения истинности/ложности, а имеют характер успешных/неуспешных, выполнимых/невыполнимых. Остин поставил задачу перед всей лингвистической философией: «мне представляется, что сегодня нам нужна новая, полная и точная, теория того, что *делает человек, когда говорит что-либо...*, то есть того, что я называю здесь речевым актом...» [\[19, с. 34\]](#).

Весьма продуктивным стало введение Остином разделения высказываний на три основных речевых акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный [\[20, с. 83-92\]](#). Остин в конечном счете понял, что очень часто перформативы трудно отличить от констативов. Поэтому перед ним встала задача разработать такую теорию, в которой бы языковые выражения предстали в более ясном виде. Такой теорией у него стала теория речевых актов. Речь, по Остину, является одновременным осуществлением трех актов. *Локутивный* акт – это речь как таковая, произнесение слов и предложений, которые имеют значение. Например, «Кошка лежит на коврике» или «У нее прекрасные волосы». Но в речи мы всегда кого-то уверяем, предупреждаем, объявляем кому-то решения, спрашиваем, отвечаем на вопросы, то есть производим *иллокутивный* акт, в котором слова направлены, адресованы кому-то, и они имеют коммуникативную силу. Например, «Я предупреждаю, что...», «Обещаю не делать этого». Наконец, что-либо говоря, человек может производить действие на людей, может повлиять на чувства, мысли и поведение людей, изменять их, то есть говорящий имеет в виду «рассчитанный, намеренный, целенаправленный эффект». Это *перлокутивный* акт. Пример: «Он убедил меня в том, что...». Причем Остин установил, что перлокутивный акт может иметь место не только в перформативном высказывании, но и в констативном. Неизменным при этом осталось то, что констативы сообщают о фактах, а перформативы делают упор на иллокутивную силу.

Остин не успел завершить систематизацию своей теории. Продолжил реализацию задачи, поставленной Остином, по созданию теории речевых актов Д. Сёрл. Он делает акцент на иллокутивную логику языка, то есть это не просто высказывание с каким-то значением, а высказывание, которое больше ориентировано на коммуникацию, в нем содержится просьба, совет, обещание и т. д. В таком речевом акте устанавливается взаимоотношение между субъектами, участниками коммуникации. Единицей речевого общения Сёрл считает иллокутивный акт, а не слово или предложение. Он в иллокутивный акт добавил еще пропозициональный акт, содержащий указание на предмет и характеристику этого предмета. Особенностью сёрловского понимания

иллокутивного акта является указание на то, что все иллокутивные акты несут в себе, в том числе, и пропозициональную функцию [\[21, с. 60-62\]](#).

Сёрл дает следующую классификацию иллокутивных актов: репрезентативы (утверждения), директивы (просьбы, приказы), комиссивы (обещания), экспрессивы (выражения благодарности или сочувствия), декларации (объявление войны, например). Д. Сёрл усовершенствовал теорию речевых актов Д. Остина, в частности их классификацию, введя критерии такой классификации.

Американский философ пришел к выводу, что все предложения языка так или иначе всегда включены в иллокутивный контекст. В связи с этим Сёрл поднимает важную проблему об установках говорящего, об его намерениях, так как тот, кто нечто утверждает, преследует определенную цель: сообщить некую истину, убедить в чем-то, призвать к чему-то, доказать что-то и т. д. Это и есть иллокутивный контекст, который выводит Сёрла напрямую к проблеме интенциональности. Он связывает речевой акт с фундаментальным свойством человеческого сознания – с интенциональностью. Сначала он проработал проблему речевого акта, затем разрабатывает в своем ключе проблему интенциональности. Философия языка у него рассматривается как подчиненная проблематике философии сознания, то есть философия языка – это как бы частный случай философии сознания.

Репрезентативная способность речевых актов вытекает, по мнению Сёрла, из более фундаментальной способности человеческого сознания – из его интенциональности. В феноменологии Э. Гуссерля, разрабатывавшего эту проблему, под интенциональностью, как известно, понимается направленность нашего сознания на какие-либо предметы и процессы. Сёрл считает, что ментальные состояния имеют интенциональный характер, и для него интенция – это направленность ментальных состояний на практические задачи, на решение практических вопросов, это выбор среди нескольких вариантов в решении задач. Интенция – это направленность на реальные действия человека. Сёрл хочет уйти от дуализма, поэтому у него интенциональность подготавливает действия человека, его поведение. Интенциональность он понимает, как регулятивное понятие, отображающее решение человеком каких-то задач. Тем самым, он приближает интенциональность к аналитической философии [см.: 22].

Сёрл считает, что интенциональность лежит в основе речевого акта, но исследовать ее нужно не психологически, а аналитически. Интенциональность для аналитических философов важна в том плане, что именно она является критерием различения ментального состояния и физического. Сёрл показывает связь речевых актов и ментальных состояний и говорит об интенциональности, как факторе, их объединяющем [см.: 22].

Теория речевых актов сама по себе очень важна, так как «она стала по существу первой целостной концепцией, в которой была реализована попытка систематически учесть прагматические аспекты языка» [\[23, с. 196\]](#). Но вернемся еще к иллокутивному контексту. У Витгенштейна контекстом выступала вся «языковая игра», в этом было его преимущество, Сёрл же контекст сузил до определенного набора иллокутивных актов. И еще один недостаток указывают исследователи у теории речевых актов: фактически, она не объясняет природу диалога, так как в ней представлено многообразие монологов. Однако у Сёрла есть и важнейшее преимущество перед остальными аналитическими философами – это включение в теорию речевых актов проблемы интенциональности, что позволяет объяснить намерения говорящего, а это путь к установлению действительного взаимопонимания в процессе коммуникации.

Подводя итоги рассмотрению развития аналитической философии языка, можно кратко показать логику этого развития. Более явно эта логика предстает, если провести схематичное сравнение развития философии языка с историей эпистемологии. В истории философской мысли Платон и Аристотель заложили основы концепции абсолютного знания, ради достижения которого, по их мнению, и совершается процесс познания. В последующие эпохи философы средневековья, Нового времени, немецкой классической философии, в лице Гегеля, продолжали эту традицию. Мыслители, представлявшие эти эпохи, писали о том, что наш разум постигает высшие истины. Представители ранней аналитической философии еще были связаны с этой традицией и частично метафизику сохранили, но главное было то, что они приняли концепции истины (кроме Фреге) – классическую концепцию Платона и Аристотеля, и концепцию когерентной истины Г. В. Лейбница. Им нужно было опереться именно на объективное знание, составляющее основу науки. И проблема значения состояла в понимании слова (имени) как обозначения объекта.

Однако при переходе ко второму периоду развития аналитической философии Л. Витгенштейн и логический позитивизм опирались уже не на концепцию абсолютного знания, которую они считали сугубо метафизической, а на эмпиризм, который не признает абсолютной истины, а только вероятностное знание, полученное с помощью индуктивного метода. Их первая и главная задача – не поиск истины, а установление демаркации между научным и вненаучным знанием. Второй задачей у них является опытная проверка знания. Именно эти две задачи и решает метод верификации. Эта трансформация была отражена в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна и в принципе верификации логического позитивизма, а также в их концепциях значения. Язык при таком положении дел уже не соотносится с миром объектов, а является орудием, а философия – действием.

Усилия Фреге, Рассела, Витгенштейна и логических позитивистов имели положительное значение – язык науки стал гораздо строже и точнее. А также было ограничено и поле спекулятивных метафизических построений, а где-то и совсем устранено. Но имелись и отрицательные последствия, так как философская онтология неоправданно сужалась только до анализа языка. Кроме того, множество реальных проблем философского знания элиминировалось из рассмотрения в силу их метафизической природы, что обедняло философию.

Дальнейшее развитие аналитической философии тоже имело двойственные последствия. Концепция значения обогатилась разработками Х. Патнэма. Но при этом неизбежно нарастала тенденция усиления релятивизма, который становится базовым принципом в философии Р. Рорти и Х. Патнэма. Они языковые выражения уже не соотносят с миром объектов, а также язык не является носителем абсолютного знания. В эпистемологии на смену принципу фундаментализма пришел принцип пробабиллизма, а в философии языка – плюрализм «концептуальных схем» Х. Патнэма. Поэтому язык, согласно философам-аналитикам, не является средством продвижения к истине, а становится, в лучшем случае, средством устранения затруднений. По нашему мнению, это большая потеря и в философии языка, и в эпистемологии.

Наконец, возникновение теории речевых актов (Д. Остин, Д. Сёрл) демонстрирует переход к пониманию языка как действия. Этот переход объясняется тем, что в концепцию языка постепенно вошло понимание социокультурных аспектов его функционирования и развития, так как язык развивается не в вакууме, а в обществе. На этой основе развивалась языковая прагматика, которая стала новым ценным разделом

философии языка.

Заключение

Аналитическая философия в XX веке внесла большой вклад в разработку проблем значения, референции и речевого общения. Вначале философы понимали язык как отображение предметов. Особенно большую работу здесь проделал Г. Фреге, преодолевший классическое понимание языка как выражения мыслей. Б. Рассел частично принял точку зрения Фреге в той части, что слова обозначают предметы, но отверг идею Фреге о том, что имя имеет определенный смысл. Л. Витгенштейн эту позицию подкорректировал, выдвинув положение о том, что язык показывает нам логическую структуру мира. Эти мыслители, и продолжившие развивать их взгляды логические позитивисты, полагали, что, анализируя проблемы языка науки или обыденного языка, они вносят вклад в решение традиционных онтологических проблем. Они же внесли значительный вклад в критику ментализма, что имело положительный эффект и углубляло исследования языка. И хотя Витгенштейн разработал чрезвычайно продуктивную концепцию «языка как игры», тем не менее, язык им рассматривался как орудие в духе инструментального подхода. Проблема коммуникации в аналитической философии до определенного времени вообще не рассматривалась.

Однако к середине XX века ряд философов пришли к пониманию того, что язык – не «номенклатура вещей», а система, для которой характерны разнообразные функции – сигнификации, коммуникации и, наконец, действия. Аналитическая философия двигалась от семантики к прагматике. Теория речевых актов, разработанная Д. Остином и дополненная Д. Сёрлом, стала чрезвычайно популярной, что объясняется заложенной в ней возможностью глубже понять сущность языка, законы и правила речевого общения людей. Идя в этом направлении, аналитическая философия в последние десятилетия вышла на проблемы герменевтического понимания, что стало предметом исследования у К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса.

Библиография

1. Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка. М.: Издательство РУДН, 2006. 622 с.
2. Никоненко С.В. Аналитическая философия. Основные направления. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. 546 с.
3. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
4. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. А.Ф. Грязнов. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 159-174.
5. Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. А.Ф. Грязнов. М.: Издательство МГУ, 1993. 181 с.
6. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 18-47.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.
8. Griffin N. Russell's Use Theory of Meaning // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 1-18. URL: https://www.researchgate.net/publication/340218161_Russell's_Use_Theory_of_Meaning / Дата обращения – 05.01.2024
9. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 176 с.

10. Патнем Х. Философы и человеческое понимание // Современная философия науки. Хрестоматия. М.: Наука, 1994. С. 146-163.
11. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 1-73.
12. Черняк В.С. История. Логика. Наука. М.: Наука, 1986. 372 с.
13. Никифоров А.Л. От формальной логики к истории науки. М.: Наука, 1983. 176 с.
14. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 75-319.
15. Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. URL: https://vk.com/doc5787984_353914101?hash=ucBOFQwWIZ2vkaMFw6a3zf8Frlm8xHUJv1zYxrZh9T0 / Дата обращения – 04.01.2024
16. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996. 190 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/1996/Makeeva_Putnam.pdf?ysclid=lqxvt3nds3591867228 / Дата обращения – 03.01.2024
17. Putnam H. Reference and Truth // Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge, 1983. URL: https://books.google.ru/books?id=HAjfSA3ir3kC&pg=PA69&num=20&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false / Дата обращения – 04.01.2024
18. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
19. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 23-34.
20. Остин Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-129. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf / Дата обращения: 04.01.2024
21. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 56-74.
22. Сёрль Дж.Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96-126.
23. Медведев В.И. Философия языка: Очерки истории. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 336 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья носит обобщающий характер, автор пытается в доступной для широкого круга читателей форме представить изменения, произошедшие в понимании языка в прошлом веке в том движении современной философии, которую в последние годы принято обозначать как «аналитическая философия». К сожалению, целый ряд моментов в изложении побуждает высказать критические замечания, без учёта которых публикация статьи представляется нецелесообразной. Так, обзорный характер статьи требует пояснить читателю, что такое вообще «аналитическая философия». Хотя это понятие давно стало техническим термином, даже специалисты в этой области пока не смогли ясно сформулировать «отличительный признак» этого весьма широкого

движения. Потребность в подобном пояснении обостряется и в связи с тем, что сам автор упоминает мыслителей, которые даже при самом «свободном» понимании этого выражения всё же с трудом вписываются в его рамки, например, Ф. Де Соссюр. Далее, большая часть текста носит описательный характер, автор сообщает множество сведений, которые содержатся в словарях и энциклопедиях, вряд ли правильно включать их в текст статьи, даже если она и носит ознакомительный характер. Сам автор утверждает, что стремился представить «логику развития мысли», но во многих частях текста логика просматривается как раз с трудом, имеет место перечисление имён, произведений, общеизвестных фактов. Думается текст статьи может быть существенно сокращён, а упомянутая «логика» представлена более отчётливо. Можно сделать и ряд частных замечаний содержательного характера. Так, вряд ли правомерно связывать становление интереса к языку среди философов, которые ориентировались на позитивистские представления о роли философии в культуре, лишь с возникновением квантовой механики. Хорошо известно, что упоминаемый и автором «лингвистический поворот» исторически предшествовал возникновению квантовой механики, да и «биографический» подход к становлению учений тех или иных философов вряд ли способен выявить соответствующие корреляции. Другое дело, что возрождение интереса к проблеме языка описания реальности связано с общей тенденцией усложнения научного знания и сопровождавшей этот процесс проблематизации привычной картины мира, а вот квантовая механика уже сделала явным и для тех, кто не интересовался этой тематикой, что мир состоит отнюдь не из «вещей» и присущих им «свойств», что реальность неизмеримо сложнее и противоречивее, поэтому и привычная субъектно-предикатная структура высказываний, которая прекрасно служит нам в описании обыденного опыта, в практике реального научного познания уже «не работает». Оформлен текст в целом достаточно грамотно, тем не менее, некоторые стилистические, смысловые и пунктуационные погрешности всё же остались, и их также необходимо устранить до публикации статьи в журнале. Например, явно неудачным является выражение «...активизировались как следствие собственной логики развития...», местами отсутствуют необходимые запятые («произошел так называемый «лингвистический поворот» и в аналитической философии начинается...»), и т.п. Думается, статья имеет определённые перспективы публикации в научном журнале, но она должна быть доработана в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов», предлагаемая к публикации в журнале «Философская мысль», несомненно, является актуальной в связи с тем, что понимать, как решаются в современной философии языка такие проблемы, как сущность языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, сущность речевых актов и т. д.

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что проблемы философии языка имеют выход в такие разделы философского знания, как онтология, гносеология, философия науки.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику.

Целью данного исследования является рассмотрение значительных изменений в

понимании языка и проблемы значения, связанных с именами Г. Фреге, Б. Рассела и Х. Патнэма. При этом показана не просто смена концепций разных мыслителей, а представлена логика движения их мысли.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализа. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены как отечественные, так и зарубежные труды в переводе на русский язык. Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. Во-первых, обратим внимание на качество библиографического списка. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Во-вторых, непонятно то, почему автор пренебрегает общепринятым принципом составления списка, именно алфавитный принцип выстраивания библиографического списка не соблюдается автором.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является практикоориентированной, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов, а также студентам философских факультетов. Статья «Диалогическая концепция смысла в «Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов» рекомендована к публикации в журнале из перечня ВАК.